24.XII 1947.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДИСКУССИИ

ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Обсуждение романа В. Пановой „Кружилиха"

НЕЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ

А. ИВИЧ

Какой опасный замысел: найти своеобразную структуру романа и потом повторить ее в другом произведении, претворяя в образы уже совсем иной материал, иных героев.

Казалось, форма «Спутников» создана именно для той необычной обстановки, в которой протекает действие романа. Материал лег удобно и естественно. Разных, не связанных прежде друг с другом людей, столкнула военная судьба в санитарном поезде. Писательница в отдельных главах знакомит читателя с каждым из своих героев. Лишь постепенно переплетаются их судьбы, как переплетаются в жизни судьбы внезапно встретившихся и надолго оставшихся вместе людей.

В «Кружилихе», новом романе, В. Панова повторила структуру «Спутников» и как бы сказала этим, что форма первого романа может быть универсальной.

«Кружилиха» посвящена жизни большого завода в последние месяцы войны и первые месяцы мира. Герои — члены заводского коллектива.

Директор завода Листопад, главный конструктор, парторг Рябухин, председатель завкома Уздечкин, стахановцы, семьи работников завода, подростки, взявшиеся за производственный труд в военные годы — перед читателем множество характеров и судеб.

Мастерство Пановой выросло, окрепло. Ее характеристики выразительны и наредкость лаконичны. На двухстах страницах романа проходит около тридцати людей — и каждый из них очерчен своеобразно, отлично запоминается, почти каждый интересен читателю.

Панова—превосходная наблюдательница, внимательный психолог. Она умеет показать противоречия в человеческой душе, она ничего не скроет от читателя, даст в рисунке и свет и тени. Она с большим искусством находит положения, пишет диалоги и внутренние монологи, точно, экономно передающие все, что писательнице нужно сказать о своем герое.

Давая портреты, Панова не вылущивает людей из жизни, как из скорлупы. Она показывает человека и в поступке и в мысли. Никогда не возникает у читателя сомнения в правдивости, искренности изображения.

Искренность — вот одна из самых привлекательных черт Пановой. Она все отдает на суд читателю, словно говорит каждой строкой — вот таких людей я наблюдала и в такой обстановке, вот такими они мне видятся, замечательные люди, добрые люди; примите их в свое сердце, как я приняла.

И в критическом разговоре о талантливом романе хочется быть таким же искренним, как сам автор, и кое о чем с ней серьезно поспорить.

Почти все герои Пановой нам интересны. Это успех художника. Немногих мы примем в свое сердце, не всех примем разумом без серьезных оговорок. В этом неполная удача художника-мыслителя.

У нас спор не с героями романа, а с позицией автора.

Листопад, директор завода, — один из главных героев романа, сильный, влюбленный в свое дело человек, созидатель в лучшем смысле слова. Кажется, что он может стать нашим героем. Но вот то здесь, то там проявляются черточки, заставляющие насторожиться. Умирает в родах Клава, молодая жена Листопада. Он горюет, но нигде мы не чувствуем, чтобы горе задевало глубинные слои его души. Знакомимся с дневниками Клавы, узнаем, что она не была счастлива с мужем, у которого никогда не оставалось времени быть внимательным к любимой женщине.

В конце романа другая любовь Листопада — к конструктору Нонне. И, любя Листопада, соглашаясь стать его женой, Нонна думает: «Этот ничем не поступится ради любви. Не потеснится... Поступаться, и тесниться, и смиряться, и ждать будет только она».

Значит, снова не будет счастья.

Много у Листопада недостатков. Автор видит и помнит их. Не ладит Листопад с председателем завкома Уздечкиным; в их сложном споре с обоюдной правотой и обоюдной неправотой позиция Листопада часто неприятна, высокомерна. Парторг стремится их примирить, но ему ближе Листопад. «Ты вот Листопада обвиняешь,—говорит он Уздечкину. — ...Во многом он ошибается, верно. Но по человечеству — я ему сто грехов прощу хотя бы за его отношение к молодежи».

Значит, хорошее в Листопаде важнее, плохое прощается за хорошее? Пусть так. Но ведь нельзя в художественном произведении это только декларировать одной-двумя репликами. Если автор того же мнения, что парторг — пусть свет и тени он расположит так, чтобы читатель видел, где важное, а где второстепенное, над чем ему задуматься, а что легко простить герою.

Недостаток мастерства писателя? Нет, нисколько. Это позиция автора. Позиция об'ективного, очень об'ективного наблюдателя, который словно боится, акцентировав одно, а другое упомянув мельком, оказать давление на читателя, склонить его к своим вкусам, своим симпатиям. Но читатель в результате чувствует себя не свободнее в среде героев романа, а скованнее.

Можно предположить, что Листопад автору нравится, но нам-то трудно отнестись к нему эмоционально, трудно определить свое отношение к человеку. Забота о равновесии, об'ективности мешает В. Пановой показать **взаимодействие** всех свойств натуры, взглядов и привычек героя, показать главное.

Какой хороший человек парторг Рябухин! После тяжелого ранения и временной слепоты он всех людей увидел прекрасными — и лица и души. Это ощущение красоты человека так и осталось у него. Мы готовы полюбить Рябухина. Но вот он на работе.

Яростный спор Листопада с Уздечкиным об огородах. Уздечкин требует всю землю под индивидуальные огороды, Листопад хочет обработать ее силами подсобного хозяйства и дать рабочим картошку. Спор кончается ссорой. Уздечкин выбегает из кабинета, хлопнув дверью. А парторг? Он как будто становится на сторону Уздечкина, но робко, неуверенно. И Листопад с ним быстро расправляется: «Брось, Рябухин, это твое интеллигентское измышление». И Рябухин умолкает. Только после ухода Уздечкина он опять неуверенно говорит: «Ты его раздразнил своим тоном... Так нельзя. Он человек нервный...»

Позицию непротивления занял Рябухин, позицию невмешательства, такую же, как Панова в отношении своих героев. Разве это позиция для парторга?

Есть один абзац, в котором, как на ладони, и Рябухин и... позиция автора. Речь идет о бывшем кулаке.

«Рябухин смотрит на него со сложным чувством. Рябухин воспитан в духе отвращения к эксплоататорам всех видов и категорий, и прошлое Мартьянова претит ему так же, как Павлу, откровенно называвшему Мартьянова мироедом. Но, с другой стороны, ведь он давно уже не мироед, он отличный токарь, о нем отзываются с высокой похвалой, как о работнике. А богатырская наружность его Рябухину положительно нравится, и манера держаться—тоже».

Так что ж — Мартьянов хороший или плохой? Парторг, очевидно, не знает, автор не высказывается, и у читателя остается... сложное чувство. А зачем нам в данном случае сложность? Если все плохое у Мартьянова в прошлом — это можно показать. Но, отличный токарь, он и отчаянный пьяница; в разговорах с другом своим Мартьянов в общем мало симпатичен. Может ли он вернуться к повадкам мироеда, если дать ему волю, или он стал советским человеком? Неясно, автор не дает материала для решения этого вопроса. Хорошее и плохое — в равновесии. Хочешь, верь Мартьянову, не хочешь — не верь.

Панова не отходит от жизненной правды. В самом деле, ведь бывает у каждого иной раз недоумение — можно ли верить такому-то. И ошибки случаются. Но почему же автор ограничивает свою роль только фиксацией облика бывшего кулака, ныне хорошего токаря, с пьяным надрывом вопрошающего своего друга, стахановца Веденеева—«отробил» ли он свои грехи.

Сложнее всего с Уздечкиным. Он неприятен с первой страницы до последней. И в то же время часто оказываются прав. Например, Уздечкин первым обращает внимание, что начальник цеха Грушевой заботится не о производстве, а о своей славе. Листопад говорит, что ему это безразлично — цех работает хорошо. Но после войны все отрицательные черты Грушевого, подмеченные Уздечкиным, очень дают о себе знать.

А на Уздечкина сваливаются все мыслимые и немыслимые несчастья. Он потерял на фронте жену, сам болен туберкулезом, у него украли профсоюзные деньги и три четверти заработка приходится отдавать на покрытие долга. Дома не ладится; с братом жены, подростком Толей, Уздечкин ведет себя так неправильно, что в его семейную жизнь вынужден вмешаться парторг.

Когда мы читаем, как Уздечкин стрижет ногти дочке — это должно бы нас трогать. Но так неприятен Уздечкин, что деталь эта не трогательна, а тоже неприятна, кажется излишне натуралистичной. И в то же время Уздечкин кристально честен, бескорыстен, предан коллективу. И в то же время Уздечкин туповат, озлоблен, недоверчив.

Ну как справиться нам со всем этим ворохом противоречий, как определить, чего же стоит Уздечкин на самом деле? Это невозможно. Скрупулезная, внимательная демонстрация его достоинств и недостатков разбивает цельность образа. Что нам делать с Уздечкиным? Полюбить его невозможно, ненавидеть было бы несправедливо. Все же неприязнь к нему перевешивает, трудно представить себе читателя, которому Уздечкин понравился бы. Листопад с ним примиряется. Читатель—не очень. Но не любя Уздечкина, чувствуешь себя неловко — словно напрасно обидел человека. В сущности, несправедливо относиться плохо к такому порядочному человеку, хорошему члену партии.

Этой неловкости и хотела Панова? Возможно. Есть в романе глава «Ночью», где очень, по-моему, плохой человек, шофер Мирзоев, любитель работы «налево», проявляет благие порывы. Веденеев говорит Мартьянову, что он отробил свои грехи. Листопад, смягченный радостью любви к Нонне, мирится с Уздечкиным.

Очень лирично написана эта глава. Она кончается словами «Спокойной ночи, люди добрые!»

И вся огромная любовь Пановой к советским людям, из которых каждый чем-то хорош, чем-то полезен или может быть полезен родине, словно сосредоточилась в этой короткой колыбельной.

Подкупает эта любовь, эта искренность. Но почему же так безжалостна Панова к людям добрым, что все их недостатки ставит под луч прожектора, заставляя нас несколько раз менять свое отношение к героям — и в конце концов оставаться в недоумении? Почему она так добра к людям недобрым, что ставит под луч прожектора мельчайшие их достоинства?

Это не гуманизм, а отказ от права на оценку человека. Мало пожелать людям спокойной ночи, надо знать, какими они подымутся после сна, видеть их завтрашний день: что же перевесит — плохое или хорошее? В отношении многих героев «Кружилихи» это вовсе не ясно.

Есть в романе и образы не усложненные—например, Марийка, дочь Веденеева, немного взбалмошная, но по-настоящему хорошая женщина, стахановка, увлеченная своей работой, ощущающая полноту и радость жизни. А страницы, посвященные приезду матери Листопада, едва ли не лучшие в романе. Вот где проявился замечательный дар Пановой, ее умение на нескольких страницах развернуть историю целой жизни, трогательную и поучительную. Это повелла о неграмотной крестьянке, ставшей государственным человеком, председателем колхоза, очень молодой в свои шестьдесят два года, со спокойной, чистой совестью и светлым взглядом, обращенным в будущее.

И ясен нам человек, прозрачен, хотя и не так уж прост. Но здесь отчетливы симпатии автора.

Панова не дает людям счастья.

Начинаешь вспоминать, — а кто же счастлив в семейной жизни на Кружилихе? У Листопада жена умерла, не сулит счастья и новая его любовь. Вряд ли Нонна с ее сложным и строптивым характером легко согласится всегда ждать и всегда уступать. Мариамна, вторая жена Веденеева, отказалась иметь своих детей, чтобы не обидеть пасынков. У Маргариты Валерьяновны, жены главного конструктора, талантливейшего инженера, воспитателя инженеров и в то же время эгоцентриста с несносным характером, — тоже нет детей. Они мешали бы работе мужа. Маргарита Валерьяновна рвется к общественной деятельности, она сжилась с коллективом Кружилихи. Муж, не спрашивая о ее желаниях, отрывает от любимой работы — он решает уехать на покой. И слабая попытка бунта против тирании мужа, не замечающего, что он тиранит жену, быстро вянет, даже не высказанная вслух. Это отношение главного конструктора к своей жене перекликается с отношением Листопада к Клаве. Значит, речь идет о явлении типичном?

Даже проекцией в будущее даны несчастливые семьи. Разве будет счастлив прелестный юноша, комсорг Саша Коневский с пренеприятной и пошлой Лидой Ереминой, так рассуждающей, выйти ли ей замуж за Сашу: «Прочно, прилично, муж будет носить на руках... Очень приятно, когда муж, вдобавок ко всем другим качествам, еще и хорошенький».

Почему столько неудавшихся и разрушенных семей, почему Панова так скупо и дорого дает людям добрым счастье?

Ответ — в размышлениях Нонны: «Но, видимо, какая-то плата все-таки положена за счастье... Ради любви приходится человеку поступиться кое-чем своим; это почти физический закон — там, где одному просторно, двум, естественно, приходится потесниться».

Но автор идет дальше Нонны. Нужно не только потесниться, но и много страдать прежде, чем личное счастье дастся в руки.

Гармонию личных отношений Панова находит всегда с трудом — это мы видели и в «Спутниках».

Беззаветное увлечение своей деятельностью такого созидателя, как Листопад, приводит к тому, что в любви он эгоистичен и небрежен. Панова оставляет это нам как неразрешенный конфликт.

А счастлив Олексий, муж матери Листопада, бросивший все ради любви, — хозяйство, семью. Почему же Панова находит полную гармонию чувств только там, где принесена большая жертва, где чье-то счастье разрушено, чья-то жизнь разбита?

Писательница принимает частное за типичное. Разве так уж редки счастливые семьи, разве люди, всей душой отдавшиеся работе, обречены на одиночество, разве конфликт между увлечением работой и личной жизнью неразрешим? Если он неразрешим, значит—тут трагедия.

Таких, как Листопад, созидателей, всем существом преданных своему делу, у нас уже много. Об этом верно говорит секретарь горкома. Значит, чем больше таких людей—тем больше трагедий в личной жизни? Это, конечно, не так. Весь наш жизненный опыт, наши наблюдения показывают — это не так. Трагедия чувств отнюдь не типична для нашего общества.

Тут одно связано с другим. Панова не нашла разрешения конфликта чувств потому, что своих героев она рассматривает, как сумму положительных и отрицательных черт. Панова не показывает **взаимодействия** всех свойств характера и взаимодействия человека с обществом, средой, близкими.

В самом деле — люди у Пановой очень отделены один от другого. Каждый показан отдельно, в своей тональности, в своем строе мыслей и чувств. Столкновение тональностей не рождает лад. Симфония чувств, как симфония музыкальная — результат взаимопроникновения, а не соседства музыкальных тем.

Вот где сказалась опасность выбранной автором структуры романа. Она слишком жестка для раскрытия того, как люди добрые во взаимодействии, во взаимопроникновении образуют советский коллектив, побеждающий в войне и в мирном труде, коллектив, члены которого идут к счастью.

Люди добрые отделены один от другого перегородками глав романа. Они соприкасаются, радуют или раздражают друг друга, но не изменяют внутреннего мира своих близких, остаются соседями, спутниками.

Противоречивый, но и в своих противоречиях интересный, талантливый роман, вызывающий на размышления, на спор!

Сколько раз, читая его, говоришь себе—да, это так и было, это так и есть, это правда. Атмосфера заводской жизни военных лет, приход подростков на производство, быт, совещания, множество деталей—все это подмечено точно и тонко, передано выразительно и об'емно.

Принимаешь в свое сердце тех, о ком Панова сказала ясно, — мать Листопада, Марийку, секретаршу Анну Ивановну, Толю, старика Веденеева, Сашу Коневского. И повторяешь за автором: люди добрые.

Там, где автор стал на позицию невмешательства в облик своих героев, где колеблются чашки весов, где сказано: вот в них хорошее, а вот плохое, сами решайте, какие они, — там колеблется и наше отношение к героям романа. Арифметического сложения качеств недостаточно для определения подлинной ценности людей, недостаточно, чтобы принять их в свое сердце и повторить за Пановой — люди добрые.

Перелистываешь страницы романа. Смотришь на этих людей, как на эскизы, сделанные мастером, эскизы, которые очень интересно рассматривать. Но не всегда видишь, для какой картины эскизы предназначены. Художник с излишней фотографичностью распределил свет и тени и этим снизил философскую ценность романа.

Сказана правда, но не вся правда. Писатель переложил ответственность за оценку своих героев на читателя и там, где должен был взять ее на себя.

В. ГОФФЕНШЕФЕР

В пьесе Б. Полевого «Неугасимое пламя» старый мастер Матвей Суслов обращается к своей дочери Наде, собирающейся выйти замуж за директора завода Андрея Кошарова: «—Ну, рассказывай, как у вас там с ним...

Надя. Ну что это! Чего тут рассказывать. Он целый день занят. Я, с тех пор как в конструкторское перешла, — тоже. Только в столовке встречаемся, да по телефону говорим.

Суслов. Эх вы, лягушки хладнокровные... по телефону... Насчет ребят-то вы тоже по телефону будете?..

Надя. Тятя!

Суслов. Ну шут с вами, хоть по радио. Неинтересная ваша любовь.

Кошаров (выступил из-за угла). Почему неинтересная, Матвей Моисеевич? Наоборот. Здравствуйте! Как здоровье?»

Не ждите дальнейшего раз'яснения этого «наоборот». Его нет ни в последующих словах Кошарова, ни в развитии действия пьесы. И правда как бы остается за старым мастером: «Неинтересная ваша любовь»!..

В романе В. Пановой «Кружилиха» рассказывается о том, как директор завода Листопад, генерал и инженер, человек очень занятой, женился на студентке-практикантке. Рассказано об этом буквально в двух фразах: «И вдруг его потянуло к этой молодости, к этой беззаботности, свежести, доверчивости...—Кончай, Клаша, эту музыку,—сказал Листопад об ее учебе, когда они поженились».

Прожить им вместе довелось недолго. Клава умерла в ту ночь, когда должна была рожать. После нее остался дневник, который она вела стенографической записью. Секретарша Листопада этот дневник расшифровала, но о том, что там было написано, она своему директору рассказывать не стала. Она не хотела огорчать Листопада. Ибо стенографические закорючки запечатлели крик отчаяния: выйдя замуж, Клава оказалась одинокой и несчастной. Листопад, занятый делами завода, не мог уделить ей ни одного дня. «Я не могу жить без счастья»,—записывает Клава. И после ее смерти Листопаду тоже некогда было разобраться в своих чувствах к ней.

Это было продолжением той самой «неинтересной любви», о которой говорит старик Суслов в пьесе Полевого. Но мы не намерены останавливаться именно на теме любви. Она интересует нас лишь, как частица большой проблемы соотношения личного и общественного.

Многое из того, о чем говорится в романе Пановой, в нашей литературе не ново. Директоров и главных инженеров, лишенных из-за своей занятости личной жизни (в элементарном и узком значении), мы уже встречали давно, например, в произведениях Василия Гроссмана («Глюкауф», сборник его рассказов «Счастье»). Мы встретили у него и предшественника председателя завкома Уздечкина из «Кружилихи» Пановой, того самого издерганного Уздечкина, у которого после смерти жены остались две девочки и который вынужден сам стирать белье. У Гроссмана—это секретарь шахтпарткома из романа «Глюкауф» («... Целый день котел, а вечером придешь домой... Он оглянулся и заговорил совсем тихо; стыдясь:—я своим пацанам белье стираю, ей богу... Посмотреть на мою жизнь семейную—повеситься можно...»)

Роман и рассказы Гроссмана появились в начале второй пятилетки. Попытка писателя разрешить проблему счастья по-новому имела тогда положительное значение, даже если учесть то обстоятельство, что разрешалась Гроссманом эта проблема наивно. Вместо того, чтобы показать, как в процессе творческого созидания новой жизни личное и общественное сливаются и личное счастье становится элементом общего счастья, Гроссман говорил о счастье лишь как о чем-то, постигаемом умозрительно, как о какой-то далекой цели, ради которой и приносятся жертвы. Это звучало не как решение вопроса, а как самоутешение.

Между тем, уже в те годы в самой жизни и литературе проблема личного и общего и проблема счастья, творимого и реально осуществляемого, решалась иначе. Самым разительным примером в этом отношении были жизнь, деятельность, книги и высказывания Николая Островского.

И когда сейчас, на исходе 1947 года, читаешь произведение, в котором тема личного счастья снова решается попрежнему, воспринимаешь это, как пародию на давно пройденный этап в нашей литературе. В конце концов, занятость—не отличительная черта советского человека. У О. Генри биржевой маклер забывает, что он вчера женился, и делает в обеденный перерыв предложение своей собственной жене, чем ввергает ее в недоумение и слезы. Но это только юмористический рассказ. Когда же в романе В. Пановой читаешь о том, как занятая Нонна Сергеевна спешит на долгожданное свидание к занятому Листопаду, то ловишь себя на мысли—«помешают». И, действительно, помешали. Но ведь это не водевиль, а роман!

В конце романа автор заставляет Листопада выступить в не свойственной ему роли патетического декламатора. Он сообщает нам о своем счастье («спасибо судьбе, что подослала умную подругу»), о строительстве, о слитности своей судьбы с судьбою государства, о будущих поколениях. Но личное и общественное у него существуют раздельно: абзац о Нонне и абзац о строительстве города, абзац о Нонне и опять же, скажем, абзац о величии наших общих целей. На деле проблемы личного и общественного существуют у В. Пановой в их старом противоставлении. На деле герои романа, в сознании и чувствах которых эти проблемы должны решиться, не являются новыми советскими людьми, способными эту задачу выполнить.

Писатель — в особенности советский писатель — не может писать о людях, не любя их. Одним из привлекательных качеств «Спутников» Пановой является мягкая любовь к людям, которая сквозит в чуть-чуть ироническом, дружеском повествовании о них. В «Кружилихе» этого нет. Исключением являются лишь старик Веденеев и некоторые второстепенные персонажи. Что же касается главного героя, Листопада, то диву даешься, сколько усилий автор приложил к тому, чтобы не проявить к нему собственной любви и не вызвать к нему доброго отношения со стороны читателя. Секретарь горкома говорит Листопаду: «Взахлёб живете, Александр Игнатьевич, оглянуться на себя нет времени». Целеустремленность Листопада иногда смахивает на целеустремленность робота. А если он оглянется на миг, то оказывается эгоистом. Клава была для него частью быта («А что же быт?.. — часть жизни. Чай вот пьешь? Бреешься? Детишки есть?—вот и быт»). Нонна Сергеевна—«умная подруга», которую ему подбросила судьба. С Уздечкиным Листопад обращается, как заправский самодур, и т. д.

И новая возлюбленная Листопада также не вызывает вашего сочувствия. Изваяние из подкрашенного льда, с математическим умом и самовлюбленным сердцем, существо, пребывающее вне жизни коллектива,—такова та, которая должна обогатить нас своими чувствами и своими мыслями о труде-творчестве (увы, довольно убогими: металлические детали и узлы в конструкции это—слова и строфы в поэзии). Но вы не чувствуете к Нонне Сергеевне ни любви, ни доверия, и вас абсолютно не волнует вся история Листопада и Нонны Сергеевны. Этой истории Панова придает большое значение, так как здесь-то и должна была, по ее замыслу, проявиться высшая форма любви, любви двух созидателей, любви одухотворенной и творческой. Но из-за того, что созидатели изображены непривлекательными, единственное чувство, которое возникает при чтении страниц об их любви, это чувство любопытства: а как это у таких («лягушки хладнокровные») получается? Сомнительное достижение для романа!

Вот перед вами молодая девушка-стахановка Лида Еремина. Огромное чувство ритма, которым она обладает, дает ей возможность рационализировать процесс своей работы настолько, что ее индивидуальная выработка становится решающей для выполнения всей программы цеха. Вы готовы простить Пановой то, что в характеристику Лиды вносятся скандалезно-истерические качества. Девушка с норовом. Бывает. Но потом оказывается, что девушка не только с норовом, но и с трезвым, слишком трезвым житейским расчетом. Не чувствуя горячей любви к комсоргу Саше Коневскому, она решает выйти за него замуж, потому что «Саша—это настоящая судьба: прочно, прилично, муж будет носить на руках. Он ее любит. И очень легко сделать так, чтобы любил всю жизнь». И «она красиво положила голову ему на грудь».

После всего этого мещанского расчета и наигранного позерства перестаешь верить в творческое начало лидиного труда: может быть, это расчет? Может быть, позерство?

Мы знаем немало случаев, когда люди, не избавившиеся от пережитков прошлого, совершали трудовые подвиги. Этого явления не могли обойти писатели в романах о первой пятилетке. Но хорош бы был художник, который играл бы на этом «раздвоении личности», не увидел бы ведущего начала, определяющего новую судьбу и перевоспитание человека!

Мне кажется, что герои Пановой получились такими из-за порочности творческого метода автора «Кружилихи». В романе есть незамысловатый разговор об искусстве. Художник Андрей говорит о том, что основной метод искусства — это правда и что искусство не нуждается в елочных украшениях, так как мир и без того прекрасен. Да, подлинное искусство социалистического реализма не нуждается в мишуре и смело говорит о правде жизни, ее красоте и ее трудностях. Но Панова спутала правду реалистическую с натуралистическим правдоподобием. Листопад правдоподобен, но правды жизни в этом образе нет,—нет правды о коммунисте-созидателе. У Пановой зоркий глаз художника, но ее взгляд устремлен не вперед, а вниз, она подмечает и старательно подбирает лоскутья старых чувств и шелуху отживших идей. Руководствуясь честностью и любовью к правде, она догоняет идущих вперед людей и насильно сует им обратно то, с чем они предпочли расстаться навсегда. В результате такого «правдоискательства» ростки нового оказываются погребенными под кучей старого хлама. Пример с Лидой Ереминой является в этом отношении чрезвычайно показательным. На характеристике Лиды писательница в сжатой форме продемонстрировала творческий метод всего романа.

Так плохо понятая правда оказалась неправдой. Так из-за этой неправды оказались не решенными (и не могли быть решены) важнейшие темы личного и общественного, тема счастья.

Одну из глав своего романа, в котором фигурируют несимпатичные люди, автор завершает восклицанием: «Спокойной ночи, люди добрые!» Я не хотел бы завершить свою статью словами о добрых намерениях и талантливости автора «Кружилихи». Мне хочется сказать другое: людей, наших советских людей, нужно любить. И не только в восклицаниях!

ОТ РЕДАКЦИИ:

Статьями тт. А. Ивича и В. Гоффеншефера «Литературная газета» открывает обсуждение романа В. Пановой «Кружилиха».

В. Панова. «Кружилиха», «Знамя». 1947 год. №№ 11, 12.